

ЭМИЛЬ ПАИН,

доктор политических наук, профессор Высшей школы экономики, руководитель Центра по изучению экстремизма и ксенофобии Института социологии РАН, Москва

Имперский синдром и имитация национального строительства в России

Abstract

The author analyses glaring contradictions in the formation of national identity in Russia. The aims to form civic nation in Russia are declared at official level and in scientific discourse. But in reality, we are often confronted with proimperial attitudes and practices both in political circles and among the general public. Replying to the question why the empire is posed as nation, the author draws an analogy between today's Russian state and the Third Reich. Moreover, in the context of imperial nationalism the author shapes his ideas about prospects of the post-soviet Russian society for the years immediately ahead, as well as in long-term outlook.

Распад многонациональных государств, таких как СССР, сопровождается так называемым “кризисом идентичности”: люди с трудом привыкают к новым государствам, новым границам, новой общественной идентификации, их образ “мы” деформируется. В современной России этот кризис усилило еще и то, что за постсоветский период были в значительной мере дискредитированы конкурирующие политические идеологемы — как идея коммунизма, так и идея демократии. Утратили былую привлекательность зарубежные образцы для подражания, по отношению к которым десятилетиями (если не веками) формулировались лозунги: “Догоним и перегоним!” Затянувшийся кризис привел к усилению значения традиционных образов идентичности в массовом сознании и к всплеску интереса интеллектуалов к обсуждению неких “особых” моделей национально-государственного устройства. В московском интеллектуальном бомонде наиболее живо обсуждаются два концепта: проект политической гражданской нации и неоимперский проект. При кажущейся противоположности они представляют собой лишь разновидности одного и того же имперского проекта, с той

только разницей, что в первом случае он прикрывается риторикой о необходимости гражданской нации, а во втором такого прикрытия не имеет и подчеркивает свою историческую связь с Российской империей. Подлинная же концепция гражданской нации как формы самоорганизации общества и источника народной власти в России, на мой взгляд, пока еще не сложилась в силу комплекса неблагоприятных для ее формирования условий. Эту гипотезу я предполагаю рассмотреть в данной статье.

Сколько ни говори “халва”...

Можно лишь приветствовать тот факт, что сам термин “российская гражданская нация” уже не режет слух наших политиков, и наибольшая заслуга в этом — Валерия Тишкова. Солидаризуясь с известнейшим российским этнологом в признании этой идеи в качестве целевого проекта для России, я расхожусь с ним во мнениях относительно готовности российского общества к его освоению. На мой взгляд, наше общество не только не готово к реализации этого проекта, но и движется в противоположную сторону. В.Тишков полагает, что достаточно назвать население России нацией — и само это определение породит нацию. Вроде того, как назовешь больного здоровым — и он сразу выздоровеет. В одной из последних своих работ ученый пишет: “Нациестроительство не следует понимать в эссенциалистском смысле как некую социальную инженерию по унификации культурных черт и идентичности россиян. Это, прежде всего, политика утверждения понятия...” [1, с. 28]. Должен заметить, что такая “политика” — это как раз и есть социальная инженерия. Из контекста видно, что автор рассчитывает на “утверждение понятия” в результате частого употребления словосочетаний “российская нация” и “российский народ” в важных политических документах, таких как ежегодные послания Президента. На первый взгляд эта сугубо инструментальная задача кажется легко решаемой. Она хорошо вписывается в технологию современной политики “имитационной демократии”, которая во многом как раз и сводится к смене, точнее, к подмене названий. Например, Федеральное собрание называют органом народовластия, хотя оно полностью зависит от исполнительной власти. Назначенную Президентом Общественную палату называют институтом гражданского общества, хотя по определению, такое общество может возникнуть только на основе самоорганизации. Возможности манипуляции массовым сознанием тоже неоднократно испытаны и проверены на практике во многих странах мира, а уж в нашей-то “вертикальной” стране слова лидеров, тиражируемые СМИ, особенно значимы. Кому-то даже начинает казаться, что с помощью внушений можно быстро перепрограммировать массовое сознание. Однако жизнь показывает, что у информационного манипулирования есть свои пределы. Даже в Советском Союзе, где выбор источников информации был еще уже, чем сейчас, и где была популярна шутка “Включишь утюг — и там Брежнева увидишь”, идеи вождя не обязательно утверждались в массовом сознании. Народ предпочитал слушать запрещенного Высоцкого, а не доклады генсека, а главное, доверял песням больше, чем официальным выступлениям. Затем 1990-е годы дают немало примеров, показывающих ограниченные возможности информационного воздействия на изменение ценностных ориентаций населения. В это время либеральная идеология преобладала в СМИ, однако массивная информационная атака в либеральном духе не при-

вела к всеобщему освоению населением либеральных и демократических ценностей. Демократия в раннем постсоветском обществе воспринималась в основном не как ценность, а лишь как инструмент достижения высокого уровня жизни “как у них”. Когда же эти романтические надежды не оправдались, началось движение общества в сторону традиционализма и новой легитимации авторитарно-вертикального управления. Да и в 2000-х годах также проявились заметные разрывы между целями информационного давления на общество и его результатами. Например, социальная тревожность населения, одним из проявлений которой выступает ксенофобия, растет несмотря на обильно тиражируемые государственными каналами картинки, демонстрирующие упрочение стабильности в стране.

Переоценка роли внушений характерна для одного из двух проявляющихся сегодня в российском гуманитарном дискурсе одинаково крайних и примерно равно неадекватных подходов к динамике ценностей и самоидентификации. Один из них базируется на методологии примордиализма, эссенциализма с немалой толикой мистицизма и допускает фатальную, извечную предопределенность культурных свойств и ценностных ориентаций различных народов и цивилизаций. Отсюда вытекает идея роковой “судьбы народа”, с которой мне не раз приходилось полемизировать [см., напр.: 2]. Сейчас же я полемизирую с другой крайностью — с чрезмерным конструктивизмом, преувеличивающим пластичность массового сознания под воздействием слова и других информационных инструментов. Оба подхода приводят к весьма упрощенным представлениям о процессе формирования нации.

Бенедикт Андерсон назвал нацию “воображенным сообществом” [3]. Действительно, первый этап формирования наций — это формирование образа единого гражданского “мы” в масштабе страны. Однако любое воображение должно опираться на какую-то реальность, иначе оно либо быстро тает (как, например, иллюзии перестройки), либо сталкивается с противоположными представлениями. В Грузии воображают, что Абхазия — часть единой грузинской державы, а в Абхазии господствуют совсем иные представления, и 80% местных жителей могут нащупать в карманах свои российские паспорта. Впрочем, наличия паспортов или других формальных признаков гражданства недостаточно даже для воображения себя частью единой нации. Во многих странах проявляются сепаратистские тенденции, в некоторых государствах (Великобритания, Канада) сепаратистские партии, не преступающие правил политической деятельности, разрешены законом. Понятно, что сепаратисты, обладающие всеми правовыми признаками гражданства, явно не считают себя частью той нации, из которой хотят выделиться. Эрнест Ренан еще в XIX веке дал определение, которое с тех пор стало каноническим: “Нации — это ежедневный плебисцит” [4]. Из этого определения вытекает, что нации не конструируются по воле правителей, не задаются раз и навсегда формальным правовым статусом гражданина — они самоопределяются в ходе социальной практики, и процесс этот непрерывный.

Нация versus империя

В.Тишков не единственный, кто полагает, что нацией можно назвать любое территориальное сообщество, то есть население, “демос”, вне зависимости от типа политического режима, в котором этот “демос” существует [1, с. 29]. Свобода от политических ограничений, в свою очередь, позволяет не-

которым аналитикам и политикам конструировать причудливые интеллектуальные гибриды вроде “имперской нации”. Так, популярный политолог С.Белковский предрекает, что “в 2004–2008 годах должны быть заложены основы российской нации. У нашей нации есть единая судьба — имперская” [5]. Н.Нарочницкая тоже “не отрицает позитивный опыт построения гражданской нации”, который, по ее мнению, неизбежно перерастет в России “в спокойную имперскую сущность, свободную от страхов и ощущения собственной уязвимости перед чужими и разрушительными идеями” [6]. В.Тишков не считает ни Советский Союз, ни, тем более, современную Россию империей. С.Белковский и Н.Нарочницкая, напротив, полагают, что Россия была и остается империей, но лишь подпорченной в период либеральных преобразований и под влиянием Запада. Одни авторы верят в неизбежную судьбу народа, другие — во всемогущество животворящего слова, однако при всех различиях эти подходы близки друг другу тем, что являются примерами подмены идеи гражданской нации противоположным имперским концептом державного единства.

Характерно, что попытки придания империи образа государства-нации неоднократно предпринимались еще в царской России, по крайней мере, со времен уваровского проекта “официальной народности”. Однако эти проекты оказались безуспешными. “Имперская Россия, — пишет Рональд Суни, — сделала попытку расширить поле применения официального национализма, сначала в виде бюрократической централизации, а потом в виде культурной русификации, для подавления нерусского национализма и сепаратизма, а также для целей идентификации династии и монархии с русской “нацией”. Но все эти разнообразные и часто противоречивые попытки раздирались противоположными тенденциями, прежде всего мощным противовесом в виде наднациональных идентификаций России с империей” [7, с. 68]. Одной из важнейших причин провала попыток выдать империю за государство-нацию, по мнению американского антрополога, явилась неспособность “русской элиты предложить ясную идею русской нации, разработать идентичность, не сводимую к религиозному (православному), имперскому, государственническому или узко этническому началу” [7, с. 60]. Хотя российские образованные слои еще в XVIII веке освоили слово “нация”, в России, по мнению Р.Суни, “до второй половины XIX века по-прежнему отсутствовало параллельное западноевропейскому понятие нации как политического сообщества, где народ выступает в качестве источника легитимности и суверенитета” [7, с. 60]. Народу, по сценарию официального национализма, предоставлялась возможность любить державу и повелителя, но не позволялось легитимировать царскую власть. Похоже, и нынешняя образованная элита России пытается представить современные версии державничества и официальной народности в качестве проекта гражданской нации. Не сомневаюсь, что эти попытки могут быть еще менее успешными, чем те которые предпринимались в XIX веке.

В модернистских теориях, близких к моей позиции, понятия “империя” и “нация” рассматриваются как противоположности, как полюса дихотомии, которая обозначает один из основных векторов исторического развития государства и общества. “Империя, — отмечает Доминик Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. *Власть над многими народами без их на то согласия* (курс. мой. — Э.П.) — вот что отличало все великие империи

прошлого и что предполагают все разумные определения этого понятия” [8, с. 79]. Примерно так же трактует империю и Марк Бейссингер, определяя ее как “нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими” [9, с. 68]. Егор Гайдар также считает важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно то, что в нем “*imperium* — власть доминировала в организации ежедневной жизни” [10, с. 18].

Формула “*власть без согласия народов*” не обязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии, а лишь показывает, что воля граждан и их ассоциаций, например этнотерриториальных сообществ, не имеет значения для функционирования имперского порядка. Что касается территориальной экспансии, которую некоторые исследователи считают важнейшим признаком империи, то, на мой взгляд, это свойство империй не универсальное, поскольку исторически ограничено лишь периодом их расцвета. Последние века существования Римской империи, более полувека на исходе жизни Османской и Российской империй они только теряли завоеванные территории и заботились лишь о сохранении имперского наследия, но все же еще оставались империями и по самоназванию, и по типу политического режима.

В противоположность империи государство-нация (*nation-state*) основано на доктрине “народного суверенитета”, развиваемой уже несколько веков европейскими мыслителями от Руссо до Хабермаса. Сама идея гражданской политической нации исторически возникла как рефлексия по поводу роли общества по отношению к государству. Суть ее хорошо известна: не государь, а народ (общество) является источником власти, суверенитета; не народ служит государству, а государство является “*слугой народа*”, проводником его коллективного национального интереса. На мой взгляд, наиболее точное определение политической нации дал Карл Дейч: “Нация — это народ, овладевший государством и сделавший его орудием реализации своих общественных и в этом смысле национальных интересов” [11]. Ныне подобные трактовки нации, безусловно, доминируют в политологической теории, которая подчеркивает, что “народный суверенитет” — это не столько достигнутое состояние, сколько процесс, пики которого пока еще далеко не пройдены ни в одной из стран мира; политическая нация — это не государство и не население государства, “*демос*” и даже не просто гражданское общество — это еще и общность, объединенная едиными культурно-ценностными узлами, единой гражданской идентичностью [12].

Такой тип идентичности не может сложиться только под воздействием образования, пропаганды и внушений, для его формирования необходимы определенные институциональные предпосылки¹. Важнейшей из них является рост численности и влияния “третьего сословия”, или, в современной редакции этого термина, — “среднего класса”. В этом отношении тенденции, проявляющиеся в современной России, противоположны ожиданиям тех, кто рассчитывает на утверждение в российском обществе ценностей гражданской нации. Такой вывод напрашивается из аналитического доклада

¹ Просвещение — хоть и не достаточное, но необходимое условие формирования гражданской нации, однако вероятность массового просвещения населения в духе его гражданской ориентации в имперской стране крайне мала.

“Городской средний класс в современной России”, подготовленного по материалам исследования, проведенного в 2006 году Институтом социологии РАН. За время, прошедшее после предыдущего исследования того же научного коллектива (2003), произошли заметные изменения в социальной структуре: доля среднего класса среди взрослого городского населения снизилась с 25% до 20%. Однако еще важнее то, что за короткое время радикально изменилось социальное наполнение среднего класса: доля предпринимателей в его составе сократилась с 13% до 6%, а госслужащих — наоборот, выросла с 49% до 54% [см.: 13]. Такой состав российского “третьего сословия” во многом определяет преобладание у него вовсе не гражданских, а подданных ориентаций. Материалы того же исследования ИС РАН указывают на значительные различия в социально-политических позициях нашего среднего класса и западного в представлениях о государстве, демократии и политической оппозиции. Российское государство представляется в глазах “третьего сословия” генератором жизненных смыслов, а не арбитром, следящим за соблюдением правил. Больше половины респондентов отдают приоритет интересам государства по сравнению с интересами отдельной личности. Еще одна любопытная деталь: 42% опрошенных безоговорочно и 45% частично разделяют экзотическое для европейца мнение: задача политической оппозиции — оказывать правительству помощь в работе, а не критиковать его [см.: 13]. Все это мало похоже на гражданскую нацию как “общество, овладевшее государством”.

Зачем империю маскируют под нацию?

Если утверждение идеи гражданской нации в массах возможно лишь в условиях глубоких социальных перемен внутри страны, то появление самой идеи связано с глобальными процессами. Эта идея возникает сначала в странах пионерной модернизации, а затем становится глобальной нормой, но сперва лишь в качестве целевой модели. “Распространяясь из Франции по миру, национализм, — отмечает Р.Сунни, — приносил с собой требование политических прав на определенную территорию для отдельно взятой культурной общности... С течением времени любое государство, желающее выжить, должно было встать на путь национализирующей политики с тем, чтобы приобрести легитимность с точки зрения нового универсального дискурса нации” [7, с. 49]. Уже с начала XX века имперская модель государственного устройства утратила свою легитимность, а противоположная ей национальная модель организации государства стала доминирующей в глазах политической элиты большинства стран мира. С середины прошлого века сопротивление этой новой мировой норме стало весьма затруднительным, однако сохранилась возможность выхолащивания гражданского содержания нации и подмены его эрзацами, подобными проекту “официальной народности”. Даже людоед Бокаса был вынужден переименовать свою деспотию, и на политической карте мира вместо желаемой им Центральноафриканской империи появилась одноименная республика, однако государством-нацией она стала только по названию.

Авторитетный историк советской национальной политики Терри Мартин приводит документальные доказательства своего вывода о том, что “Ленин и Сталин очень хорошо осознавали опасность, которую несло клеймо империи в век национализма” [14, с. 19]. Впрочем, Советский Союз рождал-

ся вовсе не как империя, а как антиимперия под лозунгами “Долой самодержавие!” и “Долой тюрьму народов!”, однако национальный суверенитет (вплоть до права выхода из состава Союза), обещанный большевиками многочисленным народам бывшей империи для привлечения национальных движений на свою сторону еще в ходе гражданской войны, уже в начале 1930-х годов стал лишь декорацией, тогда как реальные властные полномочия сосредоточились в руках партийного аппарата. Неслучайно руководители региональных ячеек партии в автономных республиках Российской Федерации и областях назывались одинаково — секретарь обкома. Остаточная декоративность национально-федеративного устройства нужна была советской империи именно потому, что Сталин понимал, что имперский тип правления в XX веке уже не легитимен в глобальном масштабе. Вот и нынешние российские лидеры по той же причине декорируют свой главный политический проект рецентрализации страны и “власти над народами без их на то согласия” под демократию (особую, “суверенную демократию”), федерацию (особую, “вертикальную федерацию”), а теперь еще придворные эксперты предлагают властям назвать это все гражданской нацией (особой нацией со “спокойной имперской сущностью”).

На языке специальных служб это называется “разработка легенды”. Однако еще Аркадий Аверченко писал, что российского филера легко узнать, поскольку из-под штатского пальто горохового цвета у него всегда выглядывают синие полицейские штаны.

Имперский тип нашего политического устройства (речь идет о нынешней усеченной империи, “империи для себя”) также все заметнее проступает по мере свертывания тех робких и непоследовательных попыток установления федерации, которые предпринимались в 1990-х годах. Россия не успела стать государством-нацией федеративного типа ко времени, когда реформы Президента Путина (создание семи федеральных округов, изгнание избранных лидеров регионов из верхней палаты российского парламента — Совета Федерации, а затем и замена выборов глав регионов их назначением из Кремля) прервали процесс федерализации России. По мнению социологов Левада-Центра, нынешний проект рецентрализации напоминает государственное строительство советского типа, лишь с тем различием, что “большевики в свое время от идеологической организации перешли к государственно-бюрократической, сегодняшние партстроители начинают с последней” [15, с. 43]. В современной России субъекты федерации являются такими только по названию, а в реальности теряют свою политическую субъектность — они всего лишь объект управления со стороны центра. И жители России, имеющие российские паспорта, только называются гражданами, по сути же они — подданные, объект политических манипуляций.

Подданничество вместо гражданства, этнический национализм вместо гражданской активности

Еще Эрнест Ренан отмечал, что в империи не может быть гражданских наций. В вертикальном иерархизированном обществе есть лишь “верх” и “низ”. Верхи, власти не могут восприниматься как “мы”, как представители “нас” и определяются массовым сознанием исключительно как “они”. В какие-то времена “они” могут оцениваться как мудрые хозяева (“вот придет барин — барин нас рассудит”), а в каких-то случаях — как виновники всех

наших бед. Как раз такое отношение к верхам, основанное на патерналистском сознании, преобладает и в современной России. С конца 1990-х годов доверием пользуются лишь три традиционных института: *правитель* (в личном качестве, а не как институт Президентства, отсюда и периодические возникающие призывы к пожизненному правлению главы государства), *церковь* и *вооруженные силы* — при крайне низком доверии к правительству, парламенту и суду, не говоря уже о политических партиях [15, с. 42].

В современной России, как в империи, *нет граждан, есть лишь подданные*. Это свойство имперского режима создает непреодолимые препятствия для интеграции различных народов и культур. Согласно теории политической антропологии, подобная интеграция “подразумевает существование открытого общества, основанного на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами люди любой расы, любой национальности” [16, с. 62–63]. В империях же горизонтальные политические связи и отношения в масштабе страны отсутствуют и формируются лишь локально на основе простейших и древнейших этнических или даже еще более дробных субэтнических отношений. Такой характер взаимоотношений между сообществами делает территориальную интеграцию различных народов и культур неустойчивой, обеспечивая в лучшем случае их временное сосуществование в едином государстве. С.Хантингтон предлагает именовать такую хрупкую матричную модель интеграции “этнико-генеалогической” [16, с. 62]. Это определение вполне подходит и для характеристики советской модели межэтнического общежития, официальное описание которой основывалось на генеалогических терминах: “родина-мать”, “республики-сестры”, “народы-братья”. Верховная власть разделяет “братьев” на “старших” и “младших” и предписывает им определенный тип общения — “дружбу народов”.

Поскольку в империях основной формой самоорганизации выступают так называемые “примордиальные”, естественные сообщества (этнические, религиозные, клановые и др.), то и переход от имперской этногенеалогической модели взаимоотношений между разными культурными сообществами к национальной гражданско-политической модели чаще всего происходил в мировой истории лишь после предварительного этапа усиления роли этнической консолидации и формирования этнических, а не политических наций. В этом смысле всплеск активности национальных движений на закате Советского Союза и в постсоветских государствах исторически типичен.

Вот и в России поздний советский и постсоветский периоды ее истории проходят под знаком активизации национальных движений. Вначале возбудились национальные движения этнических меньшинств, что проявилось в “параде суверенитетов” российских республик в 1990–1991 годах, этнических конфликтах на Северном Кавказе и за пределами России, например в абхазо-грузинском конфликте. Затем, в конце 1990-х — в начале 2000-х годов активизировалось этническое большинство России [17]. Исследования Л.Дробижевой показывают, что за период 1994–1999 годов у всех изученных представителей этнических меньшинств прирост доли лиц с ярко выраженным этническим самосознанием составил 10–15%, тогда как у русских он удвоился. При этом быстрее всего выросли наиболее эмоционально окрашенные формы этнического самосознания, проявившиеся в вы-

сказываниях о том, что “любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа”¹.

Рост этнического самосознания русских хоть и наступил позже, чем у других этнических сообществ России, но быстро развивается, и ныне этническое большинство демонстрирует высший уровень этнической тревожности, чем меньшинства. С начала 2000-х годов среди русских доля людей, ощущающих ту или иную угрозу себе со стороны представителей других народов, живущих в России, почти в два раза выше, чем у представителей других этнических групп [см. подр.: 17, с. 190–191].

На конференции “Гражданское общество в России: настоящее и будущее” отмечался спад гражданской активности в России в начале 2000-х годов [18]. На этом фоне особенно заметен быстрый рост самодельного движения в организациях националистического толка, повторяющий динамику роста националистического сознания. Если в начале 1990-х годов подобные организации складывались преимущественно на базе национальных движений титульных народов республик Российской Федерации (чеченцев, татар, лезгин, аварцев и др.), то с конца 1990-х годов основным субъектом националистической активности стали организации, выступающие от имени этнических русских. В десятки раз выросла численность только лишь молодежных организаций, спланивающих под лозунгом “Россия для русских” и чаще всего обозначаемых аналитиками под общим названием “скинхеды”, хотя это и некорректное обобщение². В 1991 году в стране насчитывалось буквально несколько сот человек, которых можно было определить как членов русских националистических организаций, а в 2001 году их было уже свыше 10 тыс. В последующие два года их численность утроилась, составив к 2004 году 33 тыс. человек [19, с. 8]. И это только по официальным данным, эксперты же указывают на значительно более высокие показатели участия молодежи в ультрарадикальных националистических организациях [20]. Если в 1990-х годах преобладали организации, подражающие скинхедам на Западе, что видно из их названий типа Blood&Honor, то ныне преобладают организации с названиями, подчеркивающими национальный русский характер фашистских организаций — “Русская гвардия”, “Русский кулак”, “Русский порядок” и др.

Молодежные националистические организации быстро политизируются под влиянием таких радикальных политических партий (рассчитывающих на привлечение людей разных возрастов), как “Национально-державная партия России” (НДПР), “Партия свободы” (ПС), “Русское национальное единство” (РНЕ), “Русский общенациональный союз” (РОНС), “Славянский союз” (СС) и др. В 2005–2006 годах была отмечена нарастающая активность националистических организаций, среди которых наиболее популярным и массовым стало “Движение против нелегальной иммиграции”

¹ По материалам исследовательских проектов, выполненных под руководством Л.Дробизевой: “Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов” (1993–1996) и “Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации” (1999–2001).

² “Скинхеды” представляют собой лишь одну из разновидностей русских молодежных националистических организаций.

(ДПНИ). Эта организация возглавила коалицию националистических и других праворадикальных групп, таких как НДПР, РОИС, СС и др. [21].

Все эти партии и движения нелегальны, однако действуют открыто и привлекают сторонников не только проповедью этнической ненависти к “чужим”, но и обещаниями обеспечить в случае прихода к власти особый правовой статус русскому большинству. Эти обещания демагогические, поскольку никогда не были реальностью и не могут быть осуществлены в российских условиях. В Российской империи этническое большинство никогда реально не находилось в привилегированном положении по сравнению с другими народами империи. Более того, в эпоху крепостного права именно русские составляли подавляющее большинство крепостных, то есть самой закабаленной части населения, однако имперской власти периодически удавалось внушать этническому большинству иллюзорные представления об особом его статусе как “цемента империи” и “старшего брата”. Похожая ситуация складывается и ныне: русское население не в меньшей мере, чем представители иных групп, испытывает на себе весь комплекс проблем переходного периода, однако немалая доля людей готовы принять на веру примитивные объяснения о причинах этих тягот, связываемых с нашествием “чужих” народов. Отсюда вытекает интерес к официальному закреплению преимуществ “коренного народа”.

Саму привлекательность лозунга об особом статусе для большинства можно рассматривать как один из индикаторов, характеризующих нынешнюю политическую ситуацию в России как имперскую или, по крайней мере, раннюю постимперскую. Дело в том, что этнические группы в империях иначе осознают свое место в обществе и формулируют свои требования к властям, чем в сложившихся государствах-нациях. Социолог В.Кимлика пришел к фундаментальному выводу, который сегодня цитируется и в основном поддерживается в современной антропологической литературе. По его мнению, “в западных демократических обществах большинство этнокультурных групп не хотят находиться *под защитой* либерального общества, напротив: они хотят быть признанными в качестве *полноправных членов этого общества*” [22, с. 33]. Сказанное справедливо как для этнического большинства, так и для национальных меньшинств Европы и США. Все эти группы не выступают против гражданского равенства и не оспаривают сам “принцип участия”, дискуссии возникают лишь по вопросу *о специфике их участия* в социально-экономической и политической жизни общества [22, с. 33]. В России же не только меньшинства, но и этническое большинство не ощущают себя хозяином страны. Поэтому политики, выступающие от имени этнического большинства, требуют для него *не большего участия* в управлении страной, а *защиты*, предоставляемой внешней силой — верховным правителем. От властей требуют наделяния большинства *дополнительным правовым иммунитетом и статусными преимуществами*. Так, в подготовленном для Государственной думы законе “О русском народе” в качестве важнейшего рассматривался тезис о признании русских “единственным государствообразующим народом” [23]. Идеи эти не новы. Николай Лесков еще в конце XIX века отмечал, что в Российской империи “русские писатели требуют “предпочтений” русским за одно их русское происхождение, и никто их за это не осуждает” [24].

Между тем в демократических национальных государствах лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества,

как правило, сопровождается отказом от требований преимущественных прав для себя. У них и без того есть преимущества — они составляют большинство избирателей. Разумеется, это преимущество реализуемо только в обществе, в котором выборы, референдумы и другие процедуры народо-властия имеют значение. Если же эти процедуры являются сугубо декоративными, не обеспечивая реальной возможности жителям страны (даже формальным гражданам) *быть ее хозяевами*, источником демократической власти, то в таких условиях для какой-то части этнического большинства становится привлекательной возможность *вообразить себя “хозяином”* хотя бы по отношению к приезжим как “гостям” или в роли *“старшего брата”* по отношению к меньшинствам.

Понятно, что уже одна лишь постановка вопроса о возрождении статуса “старшего брата” вызывает подозрительность у представителей нерусских народов, которых таким образом заталкивают в некие сконструированные страты “средних”, “младших”, “сводных” и прочих “братьев” и “сестер”, а то и вовсе “чужих”, “некоренных” народов. Трудно рассчитывать, что в таких условиях будет формироваться позитивный образ единого российского “мы”. Ничего не даст в этом отношении и официальное переименование населения в нацию.

Время имперского тела

Известный американский политолог А. Мотыль полагает, что основным препятствием на пути к демократии “России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого” [25, с. 174–175]. На мой взгляд, не имеет смысла противопоставлять “дурную наследственность” “дурным политикам”, хотя бы потому, что деятельность таких политиков чаще всего и приводит к возрождению или оживлению остатков имперского порядка. Однако я согласен с моим американским коллегой в том, что особенности институциональной среды в решающей мере определяют предрасположенность той или иной страны к формированию гражданского общества и гражданской же нации. Важнейшим из элементов имперского наследия является персоналистский режим, сохранность которого и позволяет определить современную Россию как осколок империи или “империю в себе”. Вместе с тем я полагаю, что сама устойчивость персоналистского режима в России объясняется его включенностью в целостный *имперский синдром*, позволяющий регенерировать, реконструировать всю имперскую систему при сохранении хотя бы некоторых из его частей. Имперский синдром, на мой взгляд, включает в себя помимо авторитарного политического режима и подданнического сознания еще один важный элемент — *“имперское тело”*, то есть территорию, расчлененную рубцами колониальных завоеваний. Речь идет не только об ареалах компактного расселения некогда колонизированных этнических сообществ (чеченцев, татар, тувинцев и др.), но и обо всей совокупности российских регионов, так называемых “субъектов Российской Федерации”, которые в действительности лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, а не осознанной заинтересованности в интеграции. Имперский принцип *“удержания территорий”* сегодня канонизирован в российской политике. В. Путин называет *“удержание государства на обширном пространстве”* тысячелетним подвигом России [26].

“Имперское тело” во многих отношениях служит защитным панцирем для имперского режима. Оно позволяет властям использовать древнейший принцип управления: “разделяй и властвуй”. Приведу лишь один пример. Исследователи из общества “Мемориал” подсчитали, что по количеству похищений людей в расчете на душу населения одна из республик современной России (Чеченская) опережает Аргентину в период диктатуры в ней военной хунты и разгула “эскадронов смерти” (1976–1983 годы) [27]. Однако в Аргентине уже в начале 1980-х годов действия хунты рассматривались большинством населения как направленные против собственного народа, а в нынешней России аналогичные репрессии воспринимаются как законные действия “своих” властей против “чужого” народа. Разумеется, Чечню большинство россиян сегодня считают территорией “нашенской”, но чеченцев “своими” признает меньшинство наших сограждан.

Пока сохраняется “имперское тело”, у властей есть возможность манипулировать страхами представителей этнического большинства по поводу его разрушения. До тех пор, пока сохраняются эти страхи, воспроизводится и потребность в авторитарном имперском порядке, который, в представлениях мифологизированного сознания, реально способен сохранить тело державы. Вот типичный образчик надежд националистов “имперского разлива” на рост патриотических настроений в целях защиты империи: “Чеченская война, изначально никому не нужная и развязанная теми же нефтебанкирами, в конце концов, привела сегодня к общему патриотическому подъему народа. С концом века кончилась и эпоха русского унижения... Победа в Чечне нужна как воздух” [28]. Это было сказано в начале 2000 года, но уже к концу его стало заметно, что вера населения в быструю победу в Чечне неуклонно тает. В то же время война вызвала небывалый рост ксенофобии, вначале по отношению к чеченцам, а затем и к другим группам этнических меньшинств. В 2006 году надежды идеологов имперского национализма на этнонационалистический подъем русского народа были связаны с погромами в Кондопоге. У публициста В.Можегова “эти события вселяют надежду”, депутат Госдумы Виктор Алкснис воспринимает их как “начинающуюся в России русскую национально-освободительную революцию” [29]. Правда, депутат осознает, что последствия этой революции, по крайней мере, неоднозначны — она “может привести или к гибели России, или к ее возрождению”. Но он гонит от себя дурные мысли о пагубных последствиях революции и находит ей оправдание в том, что “суровая реальность такова, что, похоже, это единственный шанс для русского народа спастись от полной деградации и вымирания”. При всем желании трудно найти в произведении депутата хоть один аргумент в подтверждение возможности спасти от гибели страну в результате подъема национализма этнического большинства, однако для аналитика эти мыслительные конструкции могут представлять интерес в силу необычности соединения идеи национализма с идеей сохранения или возрождения империи.

На мой взгляд, российская специфика во многих отношениях настоятельно требует внесения уточнений в классические теории национализма. Большинство из них основано на анализе национальных движений этнических меньшинств, ведущих борьбу за создание собственного национального государства [30, с. 23; см. также 31–34]. Крайне редко теоретики анализируют природу национализма, присущего этническому большинству, хотя национализм у разных видов этнических сообществ неодинаков по своим политическим последствиям. Национальные движения этнических мень-

шинств, добывающиеся выхода из состава полиэтнической страны, неизбежно использовали риторику “нация против империи” как средство мобилизации своих сторонников. Однако в ответ этническое большинство периодически мобилизуется противоположной идеей — сохранить или возродить пространственное тело империи, воспринимаемое как тело своей нации. Разумеется, идеологи такого движения и не думают о предоставлении аналогичных прав другим этническим общностям, рассуждения о других исчерпываются либо патерналистскими утверждениями (“им с нами лучше”, “они без нас не могут”), либо стандартными для имперского сознания представлениями о неизбежности насильственного удержания имперского тела (“не хочешь — заставим”). Таким образом, имперский принцип “власть над народами без их согласия” может опираться и на этнический национализм. Это и обуславливает возможность появления необычного, незаконно-рожденного, с точки зрения классических теорий наций, феномена — “имперского национализма”, который стал краеугольным камнем теорий построения в России новой, третьей империи.

Третий рейх по-русски

Концепция имитации гражданской нации служит сохранению сложившегося политического режима, который многим сторонникам имперских порядков казался вполне пригодным для возрождения полноценной империи при условии очистки его от налета преобразований 1990-х годов. “Путин, — отмечает Н.Нарочницкая, — безусловно, державник по образу мысли, но подходы нашей внешней политики, на мой взгляд, все еще не до конца освобождены от клише начала 1990-х” [35]. Однако в последнее время в рядах имперской партии усиливаются позиции более радикального крыла, представители которого полагают, что режим “суверенной демократии”, сохраняющий пусть и декоративные и сужающиеся, но все же элементы либерализма, неустойчив. “Состояние максимальной неустойчивости постсоветского гибрида либерального и патерналистского типов государственности, — отмечает М.Юрьев, — было достигнуто еще в период позднего Ельцина... наша нынешняя псевдомодель не нравится всем, может быть, не так сильно, но зато всем” [36]. Если М.Юрьев под “всеми” понимает всех своих единомышленников, то он прав — в этих рядах недовольство нынешним режимом действительно растет и становится массовым. Еще недавно национал-имперские активисты считали Президента “своим парнем”, “крутым державником”, а сейчас подобные настроения угасают и вытесняются все более критической оценкой режима. Не редкостью становятся и националистические демонстрации под лозунгом “Смерть системе” [см., напр.: 37]. Представители крайнего крыла имперских националистов предлагают уже не косметический ремонт прежней империи, а конструирование новой — Третьей империи. Она третья по счету после царской и советской и в подражании Третьему рейху. Новая империя, в отличие от нынешнего осколка, должна, по мнению разработчиков этого проекта, **выдвинуть цель территориальной экспансии**, при этом не только для грабежа и использования ресурсов контролируемых территорий. “Это тоже может иметь место, — пишет М.Юрьев, — но лишь в качестве вторичных, сопутствующих тенденций. Цель — обустройство присоединенных пространств в соответствии со своими представлениями о правильном жизненном устройстве и государственном порядке” [36]. Из текста этого произведения и

особенно из последней книги Юрьева становится понятным, что для когорты новых имперских националистов имперский проект — это прежде всего инструмент мобилизации российского общества с помощью амбициозной идеи мирового господства [38]. Отсюда вытекает постановка заведомо утопического проекта построения новой Российской империи, значительно превосходящей по масштабам советскую, — империи, простирающейся от Владивостока до Лиссабона. В последней же книге упомянутого автора Российская империя покоряет и Америку. Вот так — знай наших! Использование утопий как средства мобилизации давно известно, и в этом Юрьев явно подражает отцам-основателям третьей германской империи. Он и не скрывает своего восхищения перед политтехнологическим талантом Гитлера, выдвинувшего мобилизующую идею “нового порядка” и расширения жизненного пространства нации.

Близок идеологам третьей российской империи и расистский дискурс, характерный для Третьего рейха. В России он чаще имеет форму культурного расизма и строится на аргументах “изначальной сущности” цивилизаций, которая исключает выбор народами своего политического пути и предопределяет на вечные времена тип государственного устройства. Скажем, русские, православные люди в соответствии с этой теорией извечно предрасположены только к автократическим имперским режимам. “Наше тяготение к твердой руке, — пишет М.Юрьев, — обусловлено не столько хаосом в нашей общественной жизни, сколько глубоко укорененной внутренней потребностью русских людей” [36].

И наконец, этот проект включает в себя идею соединения вертикали власти с вертикалью народов, ранжированных по этническому или религиозному признаку, то есть опирается на те или иные разновидности национализма.

На первый взгляд, рост русского этнического национализма не имеет ничего общего с продвижением имперского проекта. Эти явления кажутся взаимоисключающими. Так, рост этнической подозрительности плохо сочетается со стремлением удержать народы в едином государстве. Лозунг “Россия для русских!” абсолютно противоположен традиционному имперскому лозунгу “Все народы — подданные одного государя”. Между имперцами (сторонниками развития России как империи, сверхдержавы с экспансионистскими амбициями и глобальной миссией) и русскими националистами время от времени даже вспыхивают горячие дискуссии [см., напр.: 39]. Имперцы утверждают, что русский национализм-де для имперского возрождения вреден, поскольку противопоставляет русских другим коренным народам страны, ведет к распаду России. Националисты же, отбиваясь от обвинений, отмечают, что имперский режим в прошлом высосал из русского народа всю живую кровь, и ложные наднациональные доктрины лишь мешают созданию национального государства, в котором русский народ будет признан, наконец, единственным государствообразующим [40]. Однако эти различия отходят на второй план в сравнении с ценностями, общими как для имперцев, так и для националистов. Прежде всего, оба течения исходят из примордиалистского представления об этнических свойствах как якобы навечно прикрепленных к телу народа-этноса, а в числе этих свойств одно из первых мест занимает представление о будто бы извечной склонности русских людей к имперскому режиму и имперскому величию. Мы уже приводили высказывания на этот счет одного из теоретиков неоимперской

доктрины М.Юрьева. Созвучные ему идеи излагает и лидер самого активно-го крыла националистических движений (ДПНИ) Александр Белов: “Да, у России — имперская судьба... Русское сознание неизбежно, фатально тяготеет к предельному и запредельному, а значит, русские обречены на экспансию, на расширение границ русского мира. И потому любая государственность, которую русские будут строить, так или иначе окажется Империей”. Далее, и имперцы, и националисты осознают, что имперская идея крайне непривлекательна для большинства народов России. При этом не только для чеченских, татарских, якутских и прочих националистов, добивающихся большей автономии или полной независимости своих республик, но и для подавляющего большинства граждан всех национальностей, заинтересованных в сохранении и развитии федеративных, а вовсе не имперских отношений. Поэтому в качестве единственного потенциального субъекта возрождения империи и имперцы, и националисты рассматривают этническое большинство. Отсюда вытекает и идея политического доминирования в России этнических русских, которую отстаивают представители обоих течений. Как уже отмечалось, идея особого статуса “государствообразующего народа” созвучна ныне массовым настроениям уже немалой части русских людей. На эту особенность массового сознания, сложившуюся в условиях ослабления институтов народовластия, опираются различные национал-имперские проекты в России, предлагая создание неравных статусов для разных народов при доминирующей роли в такой иерархической структуре русских.

В проекте, базирующемся на “цивилизационном национализме”, иерархия народов и культур задается по религиозному, а в этнонационалистическом проекте — по этногенеалогическому принципу (то есть по крови). Причем отчетливо просматривается тенденция сращения обоих проектов. Так, в середине 1990-х годов проект империи, вытекающий из “незыблемой сущности евразийской цивилизации”, предлагал А.Панарин. В его концепции империя — это надэтническое образование, в котором есть место как православной, так и мусульманской религиям, лежащим в основе евразийской цивилизации и, соответственно, евразийской империи [41].

Однако в условиях быстрого роста этнического самосознания населения такие проекты вышли из моды и стали вытесняться проектами, в которых правящую элиту России должны составлять только русские. Один из них представляет Д.Володихин. Он пишет о русских “по культуре”, при этом не обязательно русских “по крови”, однако подчеркивает, что “их профессионально-культурная принадлежность должна быть прочной, очевидной” [42]. Уже в этом проекте российским мусульманам, численность которых в России за полвека удвоилась и продолжает быстро расти, в элите имперского государства места нет.

В условиях роста этноцентризма еще большей популярностью может пользоваться стандартный этнонационалистический проект. Например, тот, который предложен А.Севастьяновым, сопредседателем НДПР. Его конструкция совсем простая и поэтому понятная: в ней предлагается принадлежность к русскому народу определять без ухищрений, по крови, чистота которой должна проверяться до третьего колена. Это уже проект империи, откровенно списанный с модели Третьего рейха, где был апробирован инструментарий его практической реализации [43].

На самом деле между цивилизационным и этническим национализмом различий немного. И сегодня цивилизационная его разновидность служит

лишь быстрорастворимой оболочкой, с помощью которой легче проглотить таблетку национализма этнического, пока еще для некоторых горьковатую. Об этническом превосходстве пока не принято говорить по контролируемому государством СМИ. Цивилизационную же исключительность русского народа ныне прославляют все: от митрополита Кирилла до московского мэра Ю. Лужкова и главного кремлевского идеолога В. Суркова; от левого идеолога А. Проханова до правого политика А. Чубайса. Этнонационалистическая теория хоть и распространяется в многочисленных изданиях и большими тиражами, но все же не вполне легальна, тогда как цивилизационная ее версия вошла во все школьные учебники истории и представлена в книгах популярного ныне А. Дугина, рекомендованных в качестве учебных пособий для военных учебных заведений страны [см.: 44].

Российская власть и программы “имперского национализма”

Если говорить в терминах “имперского цивилизационного национализма”, то федеральная власть уже националистична, вот и государственная доктрина “суверенной демократии” покоится на признании неких незыблемых цивилизационных особенностей русского народа, для которого якобы неприемлема западная модель демократии. Власть использует и стандартные для “цивилизационного национализма” методы идеологической мобилизации общества — мобилизацию военно-героическим прошлым (прославлением побед империи), а также страхом (образом врага). Однако такая политика для нынешней власти самоубийственна. Власть поражена типичным для персоналистских режимов недугом — самонадеянностью. Ее идеологи полагают, что если можно было соорудить “управляемую демократию”, то возможен и управляемый национализм. Глубокое заблуждение — у национализма совершенно иная природа, он опирается на слабо управляемое мифологическое сознание и требует постоянного эмоционального разогрева. Его легко возбудить, но очень тяжело направить на цели сохранения власти. Впрочем, на мой взгляд, ныне не столь уж важен ответ на вопрос, действительно ли власть стремилась опереться на национализм или он возник как побочный продукт авторитарной политики. Главное — это констатация, что ныне он вышел из-под государственного контроля и развивается вне зависимости от желаний и целей нынешнего российского истеблишмента. Националистическая активность опирается на самостоятельное движение, не похожее на организуемые властью молодежные институты типа “Наших” и “Молодой гвардии”. Националисты всех мастей все в меньшей мере считают нынешний режим своим союзником. Такие настроения имперских националистов обрекают на неудачу все попытки властей заигрывать с ними или пытаться перехватить националистический инструментарий.

Так, для консолидации людей прошлым российская власть создала новый праздник — День народного единства, посвященный событиям 1612 года. Однако он был сразу же монополизирован русскими националистическими организациями, объединившимися в движение “Русский марш”, и теперь сама же власть боится этого праздника, загодя — до 4 ноября стягивает милицию в российские города и вынуждена изучать, как сводки с фронтов, информацию о состоявшихся или разогнанных митингах националистов. Власть пыталась консолидировать россиян образом врага, но уже сама стала служить этим образом. В многочисленных листовках националисты

объясняют людям, что все их беды заданы антинациональным правительством, в котором преобладают люди с нерусскими фамилиями, такие как министры Зурабов, Левитин, Нургалиев и даже премьер Фрадков. В расчете на “управляемый национализм” власть создала умеренно националистическую партию “Родина”, но она почти тут же превратилась в неумеренную. Властям удалось расщепить верхушку этой партии, но что делать с ее электоратом, который может превратиться в толпу погромщиков. Власть чрезвычайно боится такой толпы. Она способна применять силу против чеченских националистов и исламских фундаменталистов, в республиках Северного Кавказа, но по отношению к русским, к населению, которое уже официально называется “коренным”, эта метода не подходит, поэтому власть тащится в хвосте нарастающей ксенофобной стихии. После этнического погрома в Кондопоге (30 августа — 3 сентября 2006 года), воспетого даже в пропрезидентской прессе как проявление подъема русского духа, власть заговорила о необходимости “обеспечения преимуществ коренному населению” (вот вам и поддержка идеи доминирования). После эксцессов с Грузией (осень 2006 года) власть заявила о введении процентных квот для проживания иностранцев (как легко заменить это слово на “иностранцы”!). Российская власть, безусловно, сегодня дрейфует в сторону имперского национализма, а на пороге уже стоит молодая смена — голодные волчата, обученные по учебникам Дугина, с дочиста промытыми мозгами, да еще и ксенофобы. Почему бы им для начала не попытаться занять место в правительстве тех, с “нерусскими фамилиями”? Эти силы в нынешних условиях России не могут прийти к власти в результате демократических процедур, да они и не заинтересованы в демократии. Мала вероятность их прорыва к власти в результате военного переворота, хотя такая возможность и обсуждается в их кругах. Зато вполне вероятно “тихое”, постепенное обновление власти за счет роста в ней удельного веса представителей национал-имперских сил, поэтому я согласен с М.Юрьевым, который пишет, что “стратегически возникновение в недрах российской властной структуры ориентации на вторую модель (полноценную имперскую. — Э.П.) вполне закономерно и обусловлено давлением жестких обстоятельств” [36]. Что же это за обстоятельства?

События в Украине, связанные с так называемой “оранжевой революцией”, показывают, что острая дисфункция гибридной либерально-патерналистской системы может развиваться не только в период экономического неблагополучия, но и в период экономического подъема. В Украине предпосылки “оранжевой революции” стали быстро развиваться в условиях беспрецедентного для всего постсоветского мира прироста ВВП в 12%. И это объяснимо: в период неблагополучия элиты заинтересованы в стабилизации и способны договариваться о разделе сравнительно скудного пирога, но когда возможные размеры прибыли становятся почти безграничными и возникает сильнейшая поляризация уже в элитарной среде, тогда и созревают предпосылки “оранжевой революции”, которую многие назвали восстанием миллионеров против миллиардеров.

В России проявился еще один важный фактор дестабилизации сложившейся системы отношений — изменились критерии оценки населением своего благополучия. Исследования Института социологии РАН показывают, что к 2005–2006 годам закончилось действие наркотика, лошадиными дозами вливаемого в население властью и обеспечивавшего относительную стабиль-

ность, — сравнение своего нынешнего положения с положением в эпоху Ельцина. Самооценка подавляющего большинства людей сегодня осуществляется не столько на основе сравнения себя в прошлом и настоящем, сколько в сравнении себя с другими, ныне ушедшими вперед по социальной и имущественной лестнице. Эти разрывы огромны и возрастают, при этом нефтедолларовый дождь лишь усиливает социальную поляризацию. Еще важнее то, что быстро ржавеют социальные лифты, ответственные за вертикальную мобильность. Подняться на высшую ступеньку социально-имущественной лестницы все труднее, зато опуститься вниз все легче. Важнейшим источником материального благополучия и социального продвижения в современной России становится капитал социальных связей, а этот ресурс эксклюзивный, он недоступен подавляющему большинству населения. Экономика, присоединившись к традиционным сферам производства, слабо диверсифицируется, а сложившаяся система мест занятости ограничена в возможности предоставления новых трудовых ниш, соответствующих растущим запросам.

В Украине дисфункция гибридного политического режима привела к либеральной, прозападной «революции», в России же похожие обстоятельства, скорее всего, будут подхвачены совершенно иными силами, исповедующими несвойственные украинской элите имперские идеи. Для украинской элиты да и всего населения этой страны чрезвычайно значима своя, новая, постсоветская национальная государственность. Так, мониторинговые исследования Института социологии НАН Украины показывают, что доля людей, поддерживающих независимость Украины, невзирая на весьма неоднозначные пока последствия «оранжевой революции», растет год от года. Она выросла с 50,7% в августе 2001-го до 58,8% в июле 2006 года [45, с. 57]. В России же ни элита, ни общество не хотят вести отсчет независимости страны от времени распада Советского Союза. Президент России в своем послании Федеральному собранию 2005 года объявил распад СССР, т.е. процесс, в результате которого появилось его государство, «величайшей геополитической катастрофой XX века» [46]. Вторая по представительности партия российского парламента (КПРФ) вообще рассматривает нынешнюю Российскую Федерацию всего лишь как жалкий «обрубок с кровоточащими разорванными связями» [47, с. 202]. Значительная часть населения России воспринимает распад Союза вовсе не как естественный процесс, а как следствие некоего заговора: «Союз не распался — его развалили сознательно». Каким образом может сложиться единая и позитивная идентичность у жителей государства, которое воспринимается властями и обществом как *нежданный и незаконно-рожденный ребенок, калека, жертва катастрофы и заговора*? Откуда в таком государстве появятся ресурсы для сплочения разных народов, и на какой основе может сформироваться здесь единая национальная гордость всего населения? Зато в России легче эксплуатировать амбиции жителей великой державы и страхи перед внешним врагом. Здесь значительно больше, чем в Украине, привлекательны идеи «мы — особая цивилизация» или «нашему национальному естеству свойственен особый тип государственности».

Перспективы имперского национализма в России

В своем дрейфе в сторону имперского национализма Россия похожа на Германию конца 1920-х годов. Об этом сходстве говорят и пишут многие, а Е.Гайдар в подтверждение этой идеи даже приводит весьма поучительные

исторические параллели. Он отмечает, что крушение второй Германской империи от прихода к власти Гитлера с его идеей третьей империи отделяли 15 лет, — столько же, сколько отделяет крах СССР от появления концепций построения третьей российской империи и укрепления сил, готовых ее защищать. Имперская государственная символика была восстановлена в Германии через восемь лет после краха империи (в 1926 году), а в России — через девять лет (в 2000-м) [10, с. 12–15]. В России, так же как и в Веймарской республике, распад империи оценивается на государственном уровне как трагедия, как величайшая геополитическая катастрофа, а в массовом сознании популярны конспирологические объяснения ее причин. При этом в образе внутреннего врага, предателя, разрушителя державы и в России все отчетливее проступают признаки инородцев, чуждых коренному народу в расовом, этническом или цивилизационном отношении.

Угроза фашизации России, к сожалению, реальна, но все же такой сценарий ее развития вовсе не предопределен. В России вероятность успеха национал-имперской модели ниже, чем в Германии 1930-х годов, учитывая сложную территориальную структуру нашей страны, с большими ареалами, заселенными нерусскими народами, и с нарастающим увеличением их удельного веса в составе населения России. В таких условиях разрыв между имперской политикой и реальными запросами страны проявляется очень быстро, следовательно, национал-имперский режим не имеет шансов на сколько-нибудь устойчивое существование. Идея мирового господства России настолько нелепа, что ее нет смысла обсуждать. Современная Россия в большей мере, чем Советский Союз, и даже Германия 1920–1930-х годов, вмонтирована в мировую экономику. Эта интеграция не только обеспечивает значительную часть роста нашего национального богатства, но и — что, возможно, еще важнее — выступает гарантом благосостояния современной российской элиты, которая, надеюсь, хоть кошельком и собственной кожей сумеет почувствовать угрозы, которые ей несет фашизация страны. Пока у российского истеблишмента есть еще немало возможностей предотвратить приход к власти наиболее агрессивной части сил имперского национализма. В сугубо аналитических целях можно рассмотреть и совсем, казалось бы, невероятный сценарий трансформации русского национализма, при котором он рассматривается в качестве одной из предпосылок развития гражданского общества в России.

Что сближает националистические организации с гражданским обществом? Прежде всего — самоорганизация, поэтому публицисты и некоторые аналитики часто именуют националистов теньвым гражданским обществом. Далее, эти организации все в большей мере консолидируются на идеях социального протеста. Большая часть людей, которых сегодня относят к числу националистов, вовсе не идеологизированы, они просто сбиты с толку, и если отшелушить их требования от грязи ксенофобии, то под ними проявится естественное и во многом справедливое недовольство преступностью, коррупцией, дороговизной, нерегулируемой миграцией и другими проблемами, теснее всего связанными с произволом чиновников. Так ли велик барьер, отделяющий людей от понимания, что источником произвола выступают не “те”, “понаехавшие”, “инородцы”, а “эти”, “свои” начальники, приватизировавшие власть в корыстных и, следовательно, антинациональных, то есть антиобщественных интересах?

История знает множество примеров движений, объединяемых социальным протестом, прикрытым этническими или религиозными лозунгами. Переход обществ, консолидированных идеями этнического национализма, к гражданской нации был характерен для большинства европейских стран, вышедших из состава империй в XX веке. Вместе с тем такая трансформация была возможна лишь для национальных движений, провозгласивших лозунги борьбы с империей, русские же националистические организации в подавляющем большинстве выступают с прямо противоположных позиций — возрождения империи. Такие организации и особенно те политические силы, которые делают на них ставку, рассматривают национализм как антитезу гражданскому обществу и демократии, как инструмент построения государства авторитарного, в котором нет места гражданской самоорганизации. Все это делает маловероятным сценарий построения политической гражданской нации в России на основе этнического национализма.

Признаюсь, я невысоко ценю прогностические возможности любых сценарных построений, и приведенные в этой статье сценарии не для этого предназначены. С их помощью я лишь хотел показать, что пока социальные ресурсы, необходимые для формирования гражданского общества и гражданской нации, не проявились настолько, чтобы их можно было легко распознать, и уже одно это затрудняет возможность построения хоть сколько-нибудь обоснованной теории развития гражданской нации в России. В статье я пытался показать и другие реальные трудности, препятствующие как формированию гражданской нации, так и осмыслению возможных путей этого процесса. Замечу, что и спрос на проект гражданской нации пока невелик. Он не нужен как державникам — защитникам империи, так и сепаратистам — сторонникам самостийных этнократических государств; не вписывается он и в доктрину “суверенной демократии”, а также пока слабо осознается как полезный либеральной оппозицией. Однако угрозы нарастания фашизма выдвигают эту проблему в число наиболее актуальных, что, скорее всего, и станет основным стимулом ее более активного и глубокого осмысления.

Литература

1. *Тишков В.А.* Кризис понимания России. — М., 2006.
2. *Паин Э.* Дискуссия: Российское государство: вчера, сегодня, завтра // Либеральная миссия. — 2006. — 2 августа. — <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=609>.
3. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — L., 1991.
4. *Renan E.* Qu'est-ce qu'une Nation? Discours et conferences par Ernest Renan. — P., 1887.
5. *Белковский С.* России пора распрощаться с внешним управляющим // Комсомольская правда. — 2004. — 19 января [<http://www.kp.ru/daily/23197/25967>].
6. *Нарочницкая Н.А.* “России необходим модернизационный проект, основанный на православии” // Столетие. — 2006. — 17 июня [<http://stoletie.ru/moment/060613134707.html>].
7. *Суни Р.Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, “национальная” идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии РАН. — М., 2007.

8. *Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. — 2005. — № 1. — С. 79.
9. *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*. — 2005. — № 3. — С. 68.
10. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. — М., 2006. — С. 18.
11. *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. — Cambridge (Mass.), 1953.
12. *Habermas J.* L'espace public. — Paris, 1986.
13. *Юсупова Д.* Новый средний // *Ведомости*. — 2007. — 2 февраля.
14. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. — Ithaca, 2001. — P.19.
15. Общественное мнение–2002. По материалам исследований 1989–2002 годов : Ежегодник. — М., 2002.
16. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004.
17. *Паин Э.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. — М., 2004.
18. Гражданское общество в России: настоящее и будущее // Конференция, посвященная 15-летию Горбачев-Фонда. — Москва, Горбачев-Фонд. 15 февраля 2007 года. По материалам устных выступлений (на правах рукописи).
19. *Гирько С.И.* Вступительное слово на конференции “Преступность в России: причины и перспективы” // Материалы международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России 27 апреля 2004 года. — М., 2004.
20. *Тарасов А.* Наци-скины в современной России // Аналитический доклад Московского бюро по правам человека. — М., 2004.
21. *Кожневникова Г.* Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2006 году : Доклад / Под ред. А.Верховского. — М., 2007.
22. *Kymlika W., Mesure S.* Comprendre les identités culturelles. — Paris, 2000. — P.144. Цит. по: *Кодиак Р.Ле.* Мультикультурализм // Диалоги об этничности и мультикультурализме. — М., 2005.
23. *Севастьянов А.* Нужен ли нам закон о “Русском народе”? — <http://supol.narod.ru/archive/2002/SU1700A.HTM>. — 2002. — 30 июля.
24. *Лесков Н.* Еврей в России. — М., 1990.
25. *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. — М., 2004.
26. Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному собранию РФ. 16 мая 2003 года // Российская газета. — 2003. — 17 мая.
27. *Орлов О.* Выступление на конференции “Другая Россия” / Записи автора статьи. — Москва, 11 июля 2006 года (на правах рукописи).
28. *Бондаренко В.* Народ Вседержитель // *Завтра*. — 2000. — 4 января.
29. *Алкснис В.* Прощай, Империя... (накануне русской России). — <http://www.apn.ru/publications/article10796.htm>.
30. *Геллнер Э.* Нации и национализм. — М., 1991.
31. *Gellner E.* Thought and Change. — L., 1964.
32. *Nations and Nationalism*. — Oxford, 1983.
33. *Encounters with Nationalism*. — Oxford, 1994.
34. *Periwal X.* (ed.) *Notions of Nationalism*. — Budapest, 1995.
35. *Нарочницкая Н.* Чтобы выжить — нам надо уверенно ощущать себя русскими // Комсомольская правда. — 2004. — 2 июня. — <http://www.kp.ru/daily/23288/29301/>.
36. *Юрьев М.* Дискуссия: Российское государство: вчера, сегодня, завтра // Либеральная миссия. — 2006. — 2 августа. — <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=609>.

37. “Смерть системе”. Неонацистская акция в Волгограде 16–17 февраля 2007 года. — <http://www.xeno.sova-center.ru/45A29F2/8D90ED4>.
38. *Юрьев М.* Третья Империя. Россия, которая должна быть. — СПб.; М., 2007.
39. *Святенков П.* Империя и ее имперцы : Интернет-издание АПН. — 2006. — 23 июня. — <http://www.apn.ru/publications/article9903.htm>.
40. *Белов А.* Имперский марш русского будущего : Интернет-издание АПН. — 2006. — 13 ноября. — <http://www.apn.ru/publications/article10883.htm>.
41. *Панарин А.С.* Парадоксы европеизма в современной России // Россия и мусульманский мир. — 1997. — № 3.
42. *Володихин Д.* России нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Дискуссия в фонде “Либеральная миссия”. — http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Num=605.
43. *Севастьянов А.Н.* Время быть русским. Третья сила. Русский национализм на авансцене истории. — М., 2004.
44. *Ширельман В.* “Несовместимость культур”: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение / Сост. А.Верховский. — М., 2006. — С. 183–222.
45. *Резник А.* Социальная легитимность украинской государственности: методологические и методические проблемы изучения // Социология: теория методы, маркетинг. — 2007. — №1. — С. 50–62.
46. Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации. — М., 2005.
47. *Зюганов Г.* Драма власти. — М., 1994.